

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ГИПОТЕЗЫ

Т.Л. Александрова¹

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

ЕВА, ЕЛЕНА, ЕВДОКИЯ... ПУЛЬХЕРИЯ? К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ АЛЛЮЗИЙ В ГОМЕРОВСКОМ ЦЕНТОНЕ

Статья посвящена исследованию повествования о грехопадении Евы 1-й редакции Гомеровского центона (1НС), предположительно атрибутируемой императрице Евдокии (V в.). Посредством интертекстуальных аллюзий Ева сравнивается с несколькими гомеровскими героинями, явившимися причиной бедствий своего народа: Еленой Троянской, Клитемнестрой, Иокастой. Преступления всех этих гомеровских героинь были так или иначе связаны с браком или прелюбодеянием. Примечательно, что в самом центонном повествовании змий искушает Еву, предлагая ей вступить в брак с Адамом. По мнению автора статьи, такая трактовка библейского повествования объясняется аллюзией на современные Евдокии политические события: вступление в брак императрицы Пульхерии, отстранившей от престола Евдокию и ее потомков, а также гипотетическую вину Пульхерии в гибели своего брата, мужа Евдокии, Феодосия II. Сравнение Пульхерии с Евой известно также из литературы, создававшейся во враждебных Пульхерии кругах. Эти аллюзии могли быть замечены политическими противниками Евдокии, что впоследствии могло привести к созданию «истории с яблоком», героиней которой оказалась она сама.

Ключевые слова: Гомеровский центон, интертекстуальность, Евдокия, Пульхерия, византийская литература.

---

¹ Татьяна Львовна Александрова – доцент кафедры древних языков и древнехристианской письменности Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва)

T.L. Aleksandrova
Orthodox St. Tikhon Humanitarian University

**EVE, HELENA, EUDOCIA... PULCHERIA?
REVISITING THE QUESTION OF INTERTEXTUAL ALLUSIONS
IN THE HOMERIC CENTO**

The article studies the story of Eve's fall in the 1st Recension of the Homeric Centos (1HC), presumably attributed to the Empress Eudocia (5th century). Through the intertextual parallels, Eve is compared to Homeric heroines who caused calamities for their people: Helena the Trojan, Clytemnestre, Iocaste. All these women's crimes were connected with marriage or adultery. It is noteworthy that in the Cento narrative the serpent invites Eve to marry Adam. According to the author's article, such interpretation of the biblical story may contain allusions to the political events: empress Pulcheria's marriage, due to which Eudocia and her descendants were deprived of power, and Pulcheria's hypothetical involvement to her own brother's death, Theodosius II, Eudocia's husband. Pulcheria's comparison with Eve is also known from the literary production created in the milieu of Pulcheria's opponents. These allusions could have been noticed by Eudocia's political opponents that could subsequently help to create Apple story with Eudocia in the role of protagonist.

Key words: Homeric Cento, intertextuality, Eudocia, Pulcheria, byzantine literature.

«Она была третьей прекрасной женщиной, обвиненной в принесении мира в жертву за яблоко», – так писала об императрице Евдокии английская поэтесса Элизабет Браунинг в очерке о христианских поэтах, впервые опубликованном в 1842 г. [Browning, 1972, p. 66]. Под первой женщиной подразумевается Ева, под второй – Елена, виновница Троянской войны. Действительно, с Евдокией тоже связан известный исторический анекдот про яблоко, впервые приводимый Иоанном Малалой (Mal. Chron. 14, 8) и далее повторяемый практически всеми византийскими историками и хронистами: якобы она оказалась обвинена в супружеской измене, потому что неосторожно передала придворному Павлину фригийское яблоко, подаренное мужем-императором. Эпизод, скорее всего, является вымышленным [см.: Александрова, 2017], однако весьма любопытно, что историю Евы и – косвенно – Елены затрагивает сама поэтесса в Гомеровском центоне. Более того, похоже, что у нее присутствуют аллюзии на современную ей политическую ситуацию, в контексте которой, возможно, проясняется и само возникновение «истории с яблоком» применительно к самой Евдокии.

Изучение аллюзий в центоне исходит из понимания его как некоего интертекста. Эта проблема в последние десятилетия неоднократно привлекала внимание исследователей [Usher, 1999, p. 82-100; Lefteratou, 2017, p. 105-114], и уже нет нужды доказывать наличие интертекстуальных связей между гипертекстом (центоном) и гипотекстами (поэмами Гомера, Вергилия, а также Библией) [Cullhed, 2015, p. 15]. В центонах исследователи выделяют событийный уровень (макроуровень), стилистический (микроуровень) [Sandness, 2011, p. 231] и уровень интертекста. Восприятие центона во многом зависит от степени подготовленности читателя и во всей полноте доступно только тем, кто хорошо знаком с гипотекстами. Таким образом, составление центонов было своего рода интеллектуальной игрой, хотя христианские центоны являются также и разновидностью библейской экзегезы. Кроме того возникает вопрос: ограничивались ли аллюзии центонов миром древней словесности или могли выходить в мир реальности, затрагивая современные поэту события? Случайно ли то, что Евдокия, средствами интертекста проведенная в центоне параллель между Евой и Еленой, в памяти потомков сама оказалась в одном ряду с ними? На этот вопрос мы попытаемся ответить.

Фрагмент центона, посвященный Еве, содержится только в первой редакции (1НС), которая, по-видимому, и вышла из-под пера Евдокии (хотя нельзя исключить некоторых последующих изменений) [Александрова, 2018]. В целом центон посвящен земной жизни Христа, но имеет ветхозаветную предысторию, которая придает этому сочинению определенный богословский смысл: из строк Гомера Евдокия не просто составляет евангельскую гармонию, но повествует о сотворении мира, о жизни Адама и Евы в раю, о грехопадении и о домостроительном замысле Бога о спасении человека, ради которого Христос является на землю.

О том, как змий искушает Еву, в центоне рассказывается довольно подробно, с применением риторического приема этопеи: в уста змия влагается пространная речь. За кратким повествованием о соблазнении Евой Адама следует суровая морализация по поводу преслушания Евы. Отметим также, к каким персонажам использованные Евдокией строки относились у Гомера.

Знаешь, как женщина духом изменчива в глуби душевной.

Od. 15, 20 Афина о Пенелопе

Собственным сердцем она не замыслила б гнусного дела,

Od. 23, 223 Елена

69а. Страшно, всех нас в великое бедствие ввергшего разом:

Od. 23, 224 Елена

- 69b. Иль по забвению, иль по незнанию она согрешила.
Od. 9, 537 *Иней*
70. Тотчас она обо всем по порядку поведала мужу,
Od.4, 137 *Елена*
Пищу вкусить предложив; но он отвергал все, стеная,
П. 19, 304 *Ахилл и старцы*
Ибо заветы он чтит, каковые им заповедал
П. 5, 818+ *Диомед*
Тот, Кто исконно и смертных и вечных сил Повелитель!
П. 12, 242 *Калипсо*
Только она волшебством коварно-ласкательной речи,
Od. 1, 56+ *Калипсо*
75. Хитрым обманом его в искушение ввела против воли
П. 10, 391+ *Долон о Гекторе*
И убедила его скорей помыслить о пище.
П. 9, 231 *Одиссей к Ахиллу*
Мужа тем самым сгубила она! О ней сохранится
Od.24, 200 *Елена*
Страшное в песнях потомков; она навсегда посрамила
Od.24, 201 *Елена*
Пол свой и даже всех жен, поведением своим беспорочных,
Od.24, 202 *Елена*
80. Наших времен и грядущего времени всем поколениям.
Od.24, 84 *могила Патрокла*
Нет ничего отвратительней, нет ничего ненавистней
Od.11, 427 *Клитемнестра*
Дерзко-бесстыдной жены, замышляющей хитро такое
Od.11, 428 *Клитемнестра*
Дело, каким для потомков она навсегда осрамилась.
Od.11, 429 *Клитемнестра*
Страшно-преступное зло в незнание она совершила.
Od.11, 272 *Эпикаста*
85. Грозное, множество бед приключившее смертным несчастным.
Od.17.287+ *желудок*
Многие души могучие в мрачный Аид оно ввергло,
П. 1, 3 *гнев Ахилла*
Всем принесло оно труд и тяжкие многим заботы¹.
П. 21.524 *дым от пожара*

---

¹ См.: [Александрова, 2017а, с. 75]. Перевод ИНС составлен в центонной технике с использованием переводов Н.И. Гнедича и В.В. Жуковского. При отличии русского перевода от греческого в перевод внесены изменения (в тексте не отмечаются). Изменения по сравнению с гомеровским текстом в греческом оригинале отмечены значком +.

Поступок Евы осуждается эксплицитно, на макроуровне, однако образованный читатель, способный узнавать в центонном гипертексте гомеровский гипотекст, увидит здесь нечто большее на уровне интертекста: аллюзии определенно связывают Еву с гомеровскими героинями, ставшими причиной многих человеческих бед¹. Прежде всего это Елена, т.к. именно к ней относятся гомеровские строки Od. 23, 223-224, которые предваряет строка еще более откровенная:

Демон враждебный Елену вовлек в непристойный поступок
Od. 23, 222

Таким образом, интертекст позволяет увидеть за библейским змием «враждебного демона», а вина Евы сравнивается с виной Елены, ставшей причиной многолетней изнурительной войны. На Елену также указывают строки Od.4, 137 и Od. 24, 200-202. Как известно, вина Елены состояла в том, что она, изменив мужу, бежала с соблазнителем Парисом и стала его женой. Далее Ева сравнивается с Калипсо (Od.1, 56), обманом удерживающей у себя Одиссея, потом с Клитемнестрой (Od.11, 427-429), убившей мужа Агамемнона, и с Эпикастой (Иокастой), женой и матерью Эдипа, ставшего невольным убийцей собственного отца (Od.11, 272). В последних строках этого пассажа – сравнение с ненасытным желудком, от которого много бед смертным (Od.17, 287), с гневом Ахилла, погубившим многих греческих героев (П. 1, 3) и, наконец, с дымом от пожара (П. 21, 524)

Осуждение прегрешения Евы может показаться чересчур суровым, тем более, что составляет центон женщина. Вступление скорее всего принадлежит самой Евдокии: оно не является редактурой изначального центона Патрикия. В нем чувствуется несомненное влияние центона Пробы, который Евдокии, несомненно, был знаком. Возможно, поэтесса просто использует показавшиеся подходящими гомеровские строки, однако есть основания предполагать, что такое суждение о Еве неслучайно.

Обращает на себя внимание необычность речи змия. Как известно, библейский змий обещает Еве, что она и Адам, вкусив от

---

¹ Центонисты подбирают материал по сходству характеров [McGill, 2005, p. 12-13], хотя у Евдокии соотнесение евангельских персонажей с гомеровскими не выдерживается последовательно, нередко гомеровские строки используются просто как строительный материал, без сопоставления.

плодов запретного дерева, будут как боги, знающие добро и зло (Быт. 3, 5). В центоне же змий после описания красот рая предлагает Еве нечто совсем иное:

55. Много дерев плодоносных, ветвистых, широковершинных,
Od.7, 114 *сад Алкиноя*
Также и сладких смоковниц и маслин, роскошно цветущих
Od. 7, 116 *сад Алкиноя*
Много даров и других! Ты лишь дух храни благосклонный!
П. 9, 639+ *Аякс Ахиллу*
Плод же древес никогда не кончается, не погибает
Od. 7, 117 *сад Алкиноя*
Если б какое ты средство нашла овладеть им внезапно!
Od. 4, 388 *Эйдофея Менелаю*
60. После сама ты, когда пожелаешь вкусить, [укрепишься](#).
П. 6, 260+ *Гекуба Гектору*
Милому дашь и бессмертье и вечно-цветущую младость.
Od. 5.136+ *Калипсо богам*
Будет супруг по сердцу тебе, изобилие в доме
Od. 6.181 *Одиссей Навсикае*
С миром в семье! Несказанное там водворяется счастье,
Od. 6.181 *Одиссей Навсикае*
Где однодушно живут, сохраняя домашний порядок.
Od. 6.183+ *Одиссей Навсикае*
65. Муж и жена, благомысленным людям на радость, недобрым
Od. 6.184 *Одиссей Навсикае*
Людям на зависть и горе, себе на великую славу».
Od. 6.185+ *Одиссей Навсикае*
Речи такие закончив, ее убедил он словами.
П. 20.340+ *Посейдон* [Александрова, 2017а, с. 75]

Нетрудно увидеть, что змий предлагает Еве не познание добра и зла, а замужество и счастливую семейную жизнь с Адамом. В итоге читателю непонятно, в чем же состоит грех Евы [Sandness, 2011, р. 191]

Если искать интертекстуальных сопоставлений, то здесь, несомненно, наиболее явными оказываются сравнения с Навсикаей из 6-й песни «Одиссеи». В символической системе центона Одиссей означает душу, устремленную в небесное отечество. Таким образом, в ряду сопоставлений невинная Навсикая, стремящаяся к браку с Одиссеем, превращается и в изменницу-Елену, и в чаровницу Калипсо, и в убийцу Клитемнестру, и несет миру гибель и опустошение. Однако этим не снимается вопрос: почему так изменена речь змия? Потому ли, что Евдокия не сумела найти у Гомера ничего более подходящего?

Ведь можно было бы, слегка видоизменив, использовать, например, диалог Зевса и Геры о знании грядущего (II. 1, 540–565) или такие строки:

Он бо один и минувшее знал, и грядущее видел
(II. 18, 250).

Или:

Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать
(Od. 1, 170)

Однако если учитывать обстоятельства, в которых Евдокия создавала свое произведение, возникает предположение, что такое изменение вызвано вполне определенными историческими событиями. Работой над центоном Евдокия, по-видимому, занималась в последние годы жизни, которые провела вдали от дворца, в Иерусалиме, в очень сложной церковно-политической обстановке. Какие причины вынудили императрицу покинуть двор и удалиться в Иерусалим, точно неизвестно, но знаменитая история с яблоком скорее всего не имеет никакого отношения к действительности. Возможно, что разрыва с мужем, Феодосием II, у Евдокии и не было, а ее отъезд был вызван либо соображениями благочестия, либо некими политическими замыслами [Александрова, 2017]. Высокая оценка девства и восприятие самой супружеской жизни как греха, возможно, свидетельствует в пользу того, что Евдокия оставила Константинополь из аскетических соображений.

В отсутствие Евдокии Феодосий II погиб, и власть оказалась в руках его старшей сестры Пульхерии, девственницы, с юности посвятившей себя Богу, но теперь формально нарушившей обет и вступившей в брак с домстиком Маркианом. Последующая традиция, всецело оправдавшая Пульхерию, подчеркивает, что брак был фиктивный и Пульхерия явилась спасительницей государства и веры, приняв на себя бремя императорской власти. Вскоре после прихода к власти Пульхерия и Маркиан отвергли решения II Эфесского собора, созванного Феодосием II, и провели Халкидонский собор, определивший дальнейшее развитие ортодоксального богословия, но также и вызвавший внутрицерковное разделение, которое остается непреодоленным до сего дня. В первые же годы после Халкидона началась настоящая война, в том числе и в Палестине, где находилась Евдокия [Александрова, 2018, с. 237-246].

В стане противников Халкидона поступок Пульхерии воспринимался исключительно как скандальный. Законным наследником Феодосия II был его зять, император Запада Валентиниан III [Burgess, 1993/1994, p. 47], поэтому Пульхерия фактически узурпировала власть. Кроме того Пульхерия, если она была посвященной девственницей, вступив в брак, нарушила закон, запрещавший подобные союзы [Александрова, 2018, с. 215]. Если посвященные девственницы считались невестами Христовыми, то вступление в брак расценивалось как измена небесному Жениху.

Еще один существенный момент. Принято считать, что в последние месяцы жизни Феодосий II примирился с Пульхерией, с которой до этого находился в конфликте, и подчинился ее «благодарному» влиянию, смерть же его была чистой случайностью: он упал с лошади во время охоты. Однако изучение переписки Феодосия с папой Львом I показывает, что император не изменил своей позиции и, таким образом, оказался помехой на пути Пульхерии, искавшей союза с папой. В этом контексте можно предположить даже завуалированное убийство, совершившееся не без ведома Пульхерии [Александрова, 2018].

Из всего этого вырисовывается история, весьма похожая на интертекстуальный рассказ Евдокии о грехопадении Евы. Ева-Пульхерия, в ненасытном алкании власти (сравнение с желудком) изменяет небесному Жениху (подобно изменившей мужу Елене) и, убив брата (подобно Клитемнестре), дарит Адаму-Маркиану плод (власть¹); следствием этого грехопадения становится жестокая междоусобная война (отсюда сравнения с гневом Ахилла, дымом от пожара).

Надо отметить, что сравнение Пульхерии с Евой бытовало в среде противников Халкидона, в частности, в «Истории Диоскора», низложенного на Халкидонском соборе архиепископа Диоскора Александрийского: «Смерть произведет вторую Еву по имени Пульхерия. Ибо если бы Ева опустила глаза и не взглянула на древо добра и зла, смерть не вошла бы в мир. И если бы Пульхерия опустила глаза и не взглянула на Маркиана, каноны и учения истинной веры не были бы повреждены» [цит. по: Watts, 2013, p. 275]. «Историю Диоскора» Евдокия читать не могла (она была написана в начале VI в.

---

¹ Тут можно также отметить сходство с яблоком символа власти, державы, с которой ромейские императоры часто изображались, к примеру, на монетах.

Феопистом, учеником Диоскора), однако, возможно, это сравнение было распространено в миафизитской среде.

Однако антихалкидонитская традиция, при всем негативном отношении к Пульхерии, не обвиняла ее в убийстве брата. По-видимому, и Евдокия не высказывала этих обвинений открыто. Причины ее молчания понять можно: сама она оказалась в очень сложном положении и не имела достаточной поддержки, чтобы открыто противостоять новой власти, а позднее, когда ее дочь, императрица Запада Евдокия, и две внучки оказались в вандалском плену, она вынуждена была искать помощи у того же Маркиана (Пульхерии к тому времени уже не было в живых).

Тем не менее, не исключено, что в центоне Евдокия все же проговорила свои подозрения. Очень может быть, что намеки были поняты ее врагами, что и привело впоследствии к созданию «истории с яблоком», поставившей в ряд с Евой и Еленой уже не Пульхерию, а саму Евдокию.

Принятые сокращения:

Π. – Homerus. Ilias.
Mal. Chron. – Ioannes Malala. Chronographia
Od. – Homerus. Odyssea.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова, Т. Л. О времени и причинах удаления императрицы Евдокии во Святую Землю / Т.Л. Александрова // Вестник Древней Истории. 2017. – № 77 / 1. – С. 106-125.

Александрова, Т. Л. Гомеровский центон императрицы Евдокии / Т.Л. Александрова // Вестник ПСТГУ. – 2017а. – Сер. III. № 1/ 50. – С. 63-98.

Александрова, Т. Л. Византийская императрица Афинаида-Евдокия: жизнь и творчество в контексте эпохи правления императора Феодосия II / Т.Л. Александрова. – Санкт-Петербург: Алетей, 2018. – 416 с.

Browning, E. B. Essays on the Greek Christian poets / E. B. Browning. – Books for Libraries Press, 1972. – 233 p.

Burgess, R. The accession of Marcian in the light of Chalcedonian apologetic and Monophysite polemic / R. Burgess // Byzantinische Zeitschrift. – Vol. 86/87. – 1993/1994. – P. 47-68.

Cullhed, S. S. Proba the Prophet. The Christian Virgilian Cento of Faltonia Betitia Proba / S. S. Cullhed. – Leiden; Boston: Brill, 2015.

Lefteratou, A. From Haimorrhoussa to Veronica? The Weaving Imagery in the Homeric Centos / A. Lefteratou // Greek, Roman, and Byzantine Studies. Vol. 47. – 2017. – No 2. – P. 1085-1119.

McGill, S.C. Virgil Recomposed. The Mythological and Secular Centos in Antiquity (American Classical Studies 48) / S.C. McGill. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 232 p.

Sandness, K. The Gospel “According to Homer and Virgil” / K. Sandness. – Leiden; Boston: Brill, 2011. – 280 p.

Usher, M. Homeric Stitchings. The Homeric Centos of the Empress Eudocia / M. Usher. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 1998. – 176 p.

Watts, E. Theodosius II and anti-Chalcedonian communal memory / C. Kelly. // Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity – Cambridge: University Press, 2013. – P. 269-285.

REFERENCES:

Aleksandrova, T. L. O vremeni i prichinah udalenija imperatricy Evdokii vo Svjatuju Zemlju / T.L. Aleksandrova // Vestnik Drevnej Istorii. 2017. – № 77 / 1. – S. 106-25.

Aleksandrova, T. L. Gomerovskij centon imperatricy Evdokii / T.L. Aleksandrova // Vestnik PSTGU. – 2017a. – Ser. III. № 1/ 50. – С. 63-98.

Aleksandrova, T. L. Vizantijskaja imperatrica Afinaida-Evdokija: zhizn' i tvorcestvo v kontekste jepohi pravlenija imperatora Feodosija II / T.L. Aleksandrova. – Sankt-Peterburg: Aletejja, 2018. – 416 s.

Browning, E. B. Essays on the Greek Christian poets / E. B. Browning. – Books for Libraries Press, 1972. – 233 p.

Burgess, R. The accession of Marcian in the light of Chalcedonian apologetic and Monophysite polemic / R. Burgess // Byzantinische Zeitschrift. – Vol. 86/87. – 1993/1994. – P. 47-68.

Cullhed, S. S. Proba the Prophet. The Christian Virgilian Cento of Faltonia Betitia Proba / S. S. Cullhed. – Leiden; Boston: Brill, 2015.

Lefteratou, A. From Haimorrhoussa to Veronica? The Weaving Imagery in the Homeric Centos / A. Lefteratou // Greek, Roman, and Byzantine Studies. Vol. 47. – 2017. – No 2. – P. 1085-1119.

McGill, S.C. Virgil Recomposed. The Mythological and Secular Centos in Antiquity (American Classical Studies 48) / S.C. McGill. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 232 p.

Sandness, K. The Gospel “According to Homer and Virgil” / K. Sandness. – Leiden; Boston: Brill, 2011. – 280 p.

Usher, M. Homeric Stitchings. The Homeric Centos of the Empress Eudocia / M. Usher. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 1998. – 176 p.

Watts, E. Theodosius II and anti-Chalcedonian communal memory / C. Kelly. // Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity – Cambridge: University Press, 2013. – P. 269-285.